

УДК 82.312

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРУД» И ЕГО НАПОЛНЕНИЕ В ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

(В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов)
Л. С. Старикова

THE CULTURAL CONCEPT OF «SOCIALIST LABOUR» AND ITS CONTENT IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

(V. Shalamov, S. Dovlatov, V. Maksimov)
L. S. Starikova

Дана характеристика понятия «лагерная проза», рассматривается и анализируется культурный концепт «социалистический труд» в лагерной прозе. В анализе раскрывается несоответствие понимания труда в советской этике и в образе советской реальности, воплощаемой властью в ГУЛАГе. Лагерная проза и ее писатели-представители воплощают в образе труда абсурдность существующей советской реальности и положения в ней человека.

The paper provides the characteristics of the notion of labour camp prose; the cultural concept of «socialist labour» in the camp prose is discussed and analysed. The analysis reveals the discrepancy in understanding of labour in the Soviet ethics and in the image of the Soviet reality, represented by the Gulag authorities. Labour camp prose and its writers embody the absurdity of the existing Soviet reality and the individual's position in it in the image of labour.

Ключевые слова: лагерная проза, культурный концепт, труд, В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов.

Keywords: labour camp prose, cultural concept, labour, Varlam Shalamov, Sergey Dovlatov, Vladimir Maksimov.

Существует устоявшееся определение, которое встречается особенно часто в интернет-ресурсах: «лагерная проза – это литературные произведения, созданные бывшими узниками мест заключения» [2]. Данное единичное определение понятия лагерной прозы не кажется нам обоснованным в полной мере, поэтому мы будем говорить о его условности. В этом определении направление формируется исходя из личных биографий писателей, тогда как любой литературный жанр, направление или литературная эпоха складываются за счет внутренних художественных характеристик.

В отечественном литературоведении нет работ, четко отслеживающих появление самого термина лагерная проза. По мнению Ю. В. Маловой, «впервые термин «лагерная тема» был выдвинут В. Т. Шаламовым» [6]. В своем манифесте «О прозе» он пишет: «Так называемая лагерная тема – это очень большая тема, на которой разместится сто таких писателей как Солженицын и пять таких писателей, как Лев Толстой» [14, с. 153]. Лагерная тема является многоплановым понятием, так как существует и лирика, и мемуары, и проза, соответствующие данной тематике. Но изначально появилось именно прилагательное «лагерная», которым Шаламов обозначил проблематику художественной формы рассказа, базирующейся на лагерном жизненном опыте. После этого данное словосочетание и сочетание «лагерная проза» начинают активно использоваться в названиях исследовательских работ, становясь сначала синонимом лагерной прозы, но сейчас данное понятие используется только для эпических произведений. Но также лагерная проза не исчерпывается только лагерной темой, так как тема советского ГУЛАГа, становящаяся материалом для лагерной прозы, представляется нам лишь элементом последней, включающей не только подлинное описание событий, произошедших в лагере, но и художественное осмысление зоны, тюрьмы (образ), индивидуальные авторские концепции понимания человека, его поступка,

что, в свою очередь, выводит в сферу экзистенциальной философии – проблема существования человека и его поведения в пограничной ситуации несвободы и смерти. В итоге лагерная тема может воплощаться в разных жанрах и родах литературы, а для лагерной прозы служит одной из ее частей, определяющих основное тематическое содержание, но не исчерпывающих ее проблематику. Попытаемся обозначить черты лагерной прозы, характерные для произведений, составляющих ее текст:

– общая тематика и проблематика: тюрьма, зона/лагерь, система ГУЛАГа в целом, несвобода, экзистенциальные мотивы, восприятие смерти и жизни, материального и духовного;

– автобиографический характер повествования, что обусловлено личным опытом писателей («Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли» [13, с. 151]);

– документальность и связь с историей: лагерь существовали и развивались в определенный исторический период («Все, что написано о лагерях, тюрьмах, острогах – это своеобразные исторические и человеческие документы... В. Шаламов написал рассказы, неотличимые от документа, от мемуара» [6]);

– конкретность описаний, бытовое восприятие действительности (как следствие документальности);

– художественный образ лагеря, воссоздаваемый в индивидуально-авторских картинах мира.

Мы будем понимать под лагерной прозой направление, проявившееся в развитии русского литературного процесса конца 50-х – 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (и очевидцев, и тех, кто наблюдал со стороны или не видел вообще). Поэтому и в данной статье относительно произведений лагерной тематики мы будем говорить не о лагерном труде, а о культурном представ-

лении, концепте социалистического труда, возникающем в лагерной прозе.

Значительным этапом в освоении и применении термина «концепт», вхождении его в культурологические исследования стал теперь уже всем известный «Словарь концептов русской культуры» Ю. С. Степанова. Под «культурный концепт» подводятся не только слова, мифологемы, но также и ритуалы, вещи и материальные предметы, если они, разумеется, несут духовный смысл и выступают в роли символов. Культурный концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру», с иных позиций концепт – это содержание понятия и спрессованная история понятия [10, с. 40, 42].

В круг писателей лагерной прозы входят следующие имена: В. Т. Шаламов, С. Д. Довлатов, А. И. Солженицын, В. Е. Максимов, Е. Гинзбург, О. Волков, А. Жигулин. Часть исследователей, занимающихся изучением их творчества, также придерживаются точки зрения о тематическом принципе определения лагерной прозы (используют данный термин в своих работах): Ю. Малова, Е. А. Мухина, Н. Л. Лейдерман, Е. Волкова, Л. В. Жаравина, И. Сухих, Е. Михайлик, М. Никольсон, Б. Н. Юмдылакова, А. Ю. Минералов.

Целью данной статьи является рассмотрение культурного концепта труда, складывающегося в творческом сознании трех писателей разных поколений, разного лагерного опыта и эстетических установок. Материалом анализа послужили следующие произведения: цикл В. Шаламова «Воскрешение лиственницы», но обращаясь и к его автобиографической прозе, также подключены повесть «Зона» С. Довлатова и роман В. Максимова «Кочевание до смерти».

Труд являлся особой категорией в понимании советской этики и марксистско-ленинской философии. «В. И. Ленин писал, что у людей, не прошедших закаляющую школу труда, появляются разгильдяйство, небрежность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией и т. д.» [9]. Трудовое воспитание включает в себя в соответствии с советским мировоззрением презрение «к туеядцам и лентяям; воспитание чувства ответственности за общее дело, коллективизма, сознания общественного долга, сознательного отношения к трудовой дисциплине, неприятие и искоренение частнособственнической психологии, эгоизма, индивидуализма; развитие моральных стимулов к труду, чтобы из обязанности труд постепенно превращался в жизненную потребность людей» [9]. Главные идеологи коммунизма Ф. Энгельс и К. Маркс отдавали труду одно из центральных мест в человеческом развитии в целом. Ф. Энгельс писал, что труд – «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [8]. Они подчеркивали роль труда для всех исторических формаций, по К. Марксу, «вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом» [8]. В. И. Ленин возводит труд в некое подобие инстинкта, который свойственен человеку от рождения, но тогда вся личная мотивация и заинтересованность в труде для самого себя отпадают изначально, так как нет индивидуальности, есть человек в обществе,

трудящийся исключительно на благо общества: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма» [8]. Но несмотря на такой идеологический настрой и мораль, понимание труда как основы советской нравственности, именно в советское время формируется и развивается система исправительных трудовых лагерей (ГУЛАГ), которые фактически использовали труд в целях физического насильственного истребления народа.

15 апреля 1919 года был опубликован декрет ВЦИКа «О лагерях принудительных работ», и с этого времени использование труда заключенных в неограниченном количестве стало законным. 24 апреля 1930 г. по приказу ОГПУ было образовано Управление лагерями. 3 августа 1933 года постановлением СНК СССР утверждается Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР, прописывающий различные аспекты функционирования ИТЛ. Но уже к началу 1930-х годов труд заключенных в СССР рассматривался как экономический ресурс. С экономической точки зрения лагеря были очень умным и выгодным мероприятием для новой власти. Это решало сразу несколько проблем, и было обусловлено несколькими целями: изоляция опасных для советской власти элементов общества, их использование в качестве бесплатной рабочей силы, возможность при помощи страха держать под контролем основные массы населения.

Очень четко отношение властей к заключенным как к экономическому ресурсу выразил Иосиф Сталин, в 1938 году выступив на заседании Президиума Верховного Совета СССР и заявив по поводу существовавшей тогда практики досрочного освобождения заключенных: «Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо...» [Цит. по: 7]. В итоге лагерный труд становится способом физического уничтожения.

По своему качеству труд на зоне – изначально подневольный, без личной человеческой мотивации. Другим понятием, как только рабский труд, нельзя назвать лагерные работы. Только это была ситуация не с отдельными хозяевами и возможностью выкупить свою жизнь, а с полной принадлежностью государству, без мысли на освобождение, уважение или сочувствие, без права голоса. Это понимали немногие, основная масса заключенных, особенно, осужденные по политическим статьям, надеялись, что произошла ошибка, что ее можно исправить, что соответствующие органы во всем разберутся, но в сталинских лагерях людей вели просто на смерть.

Отметим тот факт, что в книгах советского периода методы власти абсолютно оправдывались как верные. И звучит это еще хуже, чем в художественных произведениях бывших заключенных. Для простого народа лагерь

были запретной темой, но меры власти не обсуждались, они были изначально верными, не подлежали сомнению, а значит и лагерные работы были оправданной необходимостью. В качестве примера приведем цитату из труда Н. А. Беляева от 1963 года: «При этих условиях совершенно необъяснимым является положение, при котором трудоспособные лица, находящиеся в местах лишения свободы и злостно уклоняющиеся от труда, все же обеспечиваются питанием. Это положение, закрепленное в нормах исправительно-трудового права, противоречит конституционному принципу «кто не работает, тот не ест» и поэтому не имеет права на существование» [1, с. 82].

Перейдем к анализу конкретных произведений и выделим характерные черты образа труда в творчестве В. Шаламова на примере цикла «Воскрешение лиственницы». В. Шаламов и в своих художественных произведениях, и в автобиографических воспоминаниях неизменной мыслью проводит несогласие с физическим лагерным трудом. «Физический труд не гордость и не слава, а проклятие людей. Нигде не прививается так ненависть к физическому труду, как в трудовом лагере. Начальство хорошо знает, что говорит, когда грозит прощтрафившимся подчиненным: «В забой пошлю» [14, с. 261]. Реальный тяжелый труд понимается в отрицательном значении этого слова как категория, с помощью которой можно убить, изжить человека. «В лагере не говорят: «водили на работу» или «ходили на работу», а говорят: «выгнали, выгоняли, гоняли на работу». Так и так говорят все – и начальство, и сами «з/к» [13, с. 480].

В цикле «Воскрешение лиственницы» фигурирует несколько разновидностей труда: физический (забои золотых приисков, работа санитаром, летние разведки в тайге, сбор грибов) и умственный (фельдшер, писание писем на заказ, индивидуальное тайное творчество). Но во всех «Колымских рассказах» есть еще множество видов тяжелой физической работы: лесоповал, работа на заводах, сбор ягод, чистка снега, работа в качестве лошади в упряжке и т. д.

Начальство лагерей относилось к заключенным, как к трудовому скоту. Лошади не выдерживали работы на 60-градусном морозе, а люди выживали, да еще умудрялись делать попытки трудиться на приисках. Добывали золото для государства. Золото на Колыме есть, бесплатные рабы есть в неограниченном количестве. Но количество добытого за все годы существования лагерей колымского золота доказывает безграничность человеческой жестокости: «Государства не хотят терять золото мертвецов. Акты о выбитых золотых зубах составлялись испокон века в учреждениях тюремных, лагерных. Тридцать седьмой год принес следствию и лагерям много людей с золотыми зубами. У тех, что умерли в забоях Колымы – недолго они там прожили, – их золотые зубы, выломанные после смерти, были единственным золотом, которое они дали государству в золотых забоях Колымы. По весу в протезах золота было больше, чем эти люди нарыли, нагребли, накайлили в забоях колымских за недолгую свою жизнь. Как ни гибка наука статистика – эта сторона дела вряд ли исследована» [12, с. 109 – 110]. Бесчеловечно, бессмысленно, но факт – так или иначе, но заключенные приносили пользу экономике государства своей жизнью, либо своей смертью.

Рассказ «Город на горе» из цикла «Воскрешение лиственницы» является примером полного уничтожения человека посредством непосильной работы. Труд становится главным способом пытки или уничтожения. Советским лагерям не нужны были печи или газ, все делал мороз и труд. И человек – уже не человек, он – единица труда. Теперь он ниже по статусу, чем животное, ведь за ним не надо ухаживать и заботиться. «Лагерь стоял на горе, а работы велись внизу, и это доказывало, что нет предела человеческой жестокости. На площадке перед вахтой два надзирателя раскачивали, взяв за руки и за ноги, каждого отказчика и бросали вниз. Арестант катился метров триста, падал, внизу его встречал боец, и если отказчик не вставал, не шел под тычками, ударами, его привязывали к волокуше, и лошади тащили отказчика на работу – до забоев было не меньше километра» [12, с. 182]. Данное описание закономерно соотносится с образом адской воронки, поглощающей грешников: труд становится методом пытки, истязания и наказания.

Также на этом самом жестоком прииске находится вахта с надписью: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» – что выглядит издевательством. Это работа, приводящая к смерти: «День за днем я двигался к смерти и ничего не ждал. Все еще я старался вылезти за ворота зоны, выйти на работу. Только не отказ от работы. За три отказа – расстрел. Так было в тридцать восьмом году. А сейчас шел сорок пятый, осень сорок пятого года. Законы были прежние, особенно для спецзон» [12, с. 186]. При этом почти казенная фраза «выйти на работу», подразумевающая собственное желание и выгоду, здесь является демонстрацией власти над заключенными, а для них самих – способом выживания.

Вообще рабочее пространство – пространство золотых приисков – имеет у Шаламова негативную характеристику. Сами забои описываются как воронка ада, куда людей выкидывают как в адскую бездну. И заключенные, и начальники понимали, что их привезли на смерть: «Начальник пришел проверить, хорошо ли мы мокнем, выполняется ли его приказ о пятидесяти восьмой статье, которая никаким активкам не подлежит и которая должна готовиться в рай, в рай, в рай» [12, с. 121]. Там процветала безнаказанность убийства: «Вскоре Полянский умер – упал где-то в забое. Бригадир его ударил кулаком в лицо» [12, с. 125]. Прииски являются единственным чисто отрицательным пространством из всех пространств, описанных В. Шаламовым, где нет ничего, кроме произвола, издевательств и в итоге смерти.

Сам труд в поэтике Шаламова отражает центральное противоречие его произведений, которое сливается в одно целое – это оппозиция живое-мертвое. Все пространства в мире Колымы Варлама Шаламова подчинены этому неразделенному противоречию. И лагерный труд тоже вписывается в эту систему. Сама работа в лагере – заведомая смерть, людей, посылая в забой, посылали на смерть. Но также этот труд – возможность остаться живым, ведь отказ от работы – расстрел.

Самое тяжелое, что работа становится ужасной участью и необходимостью выживания, даже входит в ранг инстинктов, наряду с голодом и желанием тепла. В положении заключенных мысли сводились всего к нескольким, и одной из них была мысль о тяжести труда, о том, где взять на него силы. «Больше, чем мысль о смер-

ти, меня занимала мысль об обеде, о холоде, о тяжести работы – словом, мысль о жизни» [13, с. 443], – так вспоминает Шаламов. «Я большого роста, а это все время моего заключения было для меня источником всяческих арестантских мук. Мне не хватало пайки, я слабел раньше всех, и раньше других увидел, что физический труд – это проклятие человека. А арестантский, принудительный есть еще и бесконечное, ежедневное унижение» [13, с. 453]. Труд становится не только физической, но и психологической пыткой.

Особым последствием такого труда в лагерях стало калечение себя. Сломать руку или ногу не считалось аморальным, но если надзиратели ловили на предумышленном калечении, то жестоко карали. В Шаламов в рассказе «Город на горе» пишет: «Я нашел выход: сломать руку. Я бил коротким ломом по своей левой руке, но ничего, кроме синяков, не получилось. Не то сила у меня была не та, чтоб сломать человеческую руку, не то внутри какой-то караульщик не давал размахнуться как следует» [12, с. 187]. Мы можем заметить, на какой грани должен быть человек, чтобы сознательно и целенаправленно калечить самого себя. Но мы также видим, что политическим доходягам, как герой Шаламова, и этот выход не доступен: и сил нет, и совесть мешает. А болезни от истощения до обморожения были у всех, но они не считались достаточным поводом для освобождения от работы, так как носили всеобщий характер, были постоянным условием жизни заключенных. Только совсем дошедших, живых мертвецов определяли на лечение. «Арестантский труд – бесплатный труд, вдвойне бесплатный – всех больных заставили работать или держали выздоравливающих на «истории болезни». На Колыме очень трудно разобрать, кто здоров, а кто болен» [13, с. 536]. Болезнь не освобождала от работы никого.

В рассказе «Термометр Гришки Логуна» описан сложный и тяжелый переход от труда физического к труду умственному, когда рука уже как форма отлилась для держания черенка лопаты, а не для пера. Работать умом тяжелее, слова физически скрипят в мозгу.

Начало рассказа демонстрирует степень насилия трудом: «Усталость была такая, что мы сели прямо на снег у дороги, прежде чем идти домой» [12, с. 122]. Героя попросили написать письмо начальству, жалостливое и берущее за душу. Это дало возможность герою посидеть лишние часы в тепле. И он писал «потая и радуясь» физической возможности умственного труда. «Трудно было мне писать, и не только потому, что загрузели руки, что пальцы сгибались по черенку лопаты и кайла и разогнуть их было невероятно трудно. Можно было только обмотать карандаш и перо тряпкой потолще, чтобы *имитировать* кайловище, черенок лопаты. Когда я догадался это сделать, я был готов выводить буквы. *Трудно* было писать, потому что мозг загрубел так же, как руки, потому что *мозг кровоточил* так же, как руки. Нужно было оживить, воскресить слова, которые уже ушли из моей жизни, и, как я считал, навсегда» [12, с. 127]. Происходит имитация реального труда для перехода мозга в режим труда словесного. И чтобы вернуться к умственной деятельности, должно произойти воскрешение слова, которое исчезло из жизни заключенного. Слова воскресают не только на бумаге, но и в душе, как феномен и принадлежность к тому, что свой-

ственно человеку как культурному существу. «Я не мог, не мог выжать из своего иссушенного лагерем мозга ни одного лишнего слова. Не мог заглушить ненависть. Я не справился с работой, и не потому, что слишком велик был разрыв между волей и Колымой, не потому, что мозг мой устал, изнемог, а потому, что там, где хранились прилагательные восторженные, там не было ничего, кроме ненависти» [12, с. 127]. Герой не справился, и за его попытки воскресить в себе живое слово, он получил лишь побои. Но вся проблема оказалась не просто в памяти и ее воскрешении, способности мыслить, проблема в душевной пустоте, возникающей от физического изнеможения трудом. В душе не осталось места для чего-то светлого, там все уже заполнено, но другой полнотой – злобой и ненавистью.

Еще одним примером перехода от физического к умственному труду можно считать рассказ «Экзамен», где показана сложность данного процесса: этому мешает и зачерствевшая память, но также и само тело. «Девять лет не разгибалась моя кисть, согнутая навечно по мерке черенка лопаты – и разгибающаяся только с хрустом, только с болью, только в бане, распаренная в теплой воде. Я разогнул пальцы левой ладонью, вставил ручку, обмакнул перо в чернильницу-непроливайку и дрожащею рукой, холодея от пота, написал этот проклятый диктант. Боже мой!» [12, с. 194]. Так герой смог сдать экзамен на фельдшера, но сколько труда пришлось приложить, чтобы руки вспомнили после того труда в забоях, как нужно писать. Его рука приобретает черты самой Колымы. Вечная мерзлота – «согнутая навечно» кисть. Также и мысли, и слова застывали навечно, истребляясь из памяти.

Некоторые интеллигенты, так называемые Иван Иванычи, трудились своими познаниями – тискали романы блатным. Это было и унижительно, и стоило душевных и физических сил воскресить в своей голове сюжеты книг, но это был способ выжить в мире блатных. В цикле «Очерки преступного мира» В. Шаламов целый рассказ посвящает описанию данного труда и так его и называет «Как тискают романы» именно с таким ударением. Вообще в произведениях В. Шаламова блатные описаны крайне негативно, так как они были одним из средств государства для обеспечения нелегкой жизни политическим заключенным. Начальство остерегалось обращаться слишком жестоко с так называемыми друзьями народа, а они пользовались этим и даже в лагерях жили хорошо.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что В. Шаламов создает образ непосильного рабского труда, использующегося в лагере для физического и духовного уничтожения человека. Труд является одним из условий деградации человека, что противоречит известной мысли Ф. Энгельса о том, что труд сделал из обезьяны человека. По В. Шаламову именно труд превратил его обратно в животное, способное думать лишь о еде и отдыхе. Именно в произведениях данного писателя мы видим яркий контраст между утверждениями советской этики и реальными мерами, которые внедряли ее в действительность.

Обратимся к следующему произведению в контексте создания образа труда. У Сергея Довлатова в повести «Зона» описывается только мир блатных в лагере. События разворачиваются уже в середине 1960-х годов,

трудоу лагеря уже упразднены, остались только уголовные. Герой Довлатова оказывается по другую сторону колючей проволоки, он – охранник, вохровец, и эски для него – не товарищи по несчастью, а уголовные элементы. У них нет страха перед охраной или карцером, они довольно фамильярно разговаривают со своими стражами. Для блатных труд и работа – особая категория, для них работать – не по их законам, это противозаконно. Если они трудятся, то только для демонстрации своей силы и физической удалости. Например, во второй новелле «Зоны» «Бригаду сантехников выводили на пустырь рыть канализационную траншею» [3, с. 20], но работа их была не затруднительна: «Каждое утро подкованные долбили сухую землю. Затем шли курить. Они курили и беседовали, сидя под навесом» [3, с. 20]. Данная деталь – отдыхали «под навесом» – подчеркивает свободное положение уголовников на зоне. Лагерь становится для них естественным местом жизни. Затем на пустырь садится вертолет – происходит чудо, к эски прилетает друг с воли повидаться. Случилась неожиданная ситуация, не положенная по правилам лагеря, но конвой реагирует на это спокойнее, чем сами заключенные. И то, что работа прекратилась, не смутило никого. Очевидно, что Довлатов фиксирует важнейшее изменение в психологии заключенного и охранника – момент полнейшего равнодушия к процессу труда, к его результатам. Зона уже не разделяет людей на уголовников, политических, конвоиров, она объединяет общим ощущением абсурда и нереальности происходящего. Зона у Довлатова – это не государственная система, а феномен, создаваемый самими людьми без их разделения на социальные, психологические, возрастные категории.

В пятой новелле повести «Зона», которая в самостоятельно напечатанном варианте носит название «Марш одиноких», Сергей Довлатов описывает противостояние главного героя вохровца Бориса Алиханова и вора-рецидивиста Купцова. Происходит столкновение характеров, интересов, принципов и побеждает заключенный. Алиханов хотел заставить вора отказаться от своих законов, которым он верит и верен. Он пытался заставить вора работать на лесоповале, трудиться как все. Пространство лесоповала, рабочее пространство характеризуется у Довлатова не слишком ярко. Но если у Шаламова оно связано с опасностью, болью и страхом, то для уголовников рабочее пространство не связано с такими переживаниями. В произведении Довлатова труд заключенных не играет никакой значительной роли в экономике страны: охранники и сами бы не водили уголовников на работу, но они должны делать это по уставу. Данное ежедневное событие стало формальностью, план выполнять нет необходимости, и заключенные прекрасно понимают эту абсурдную ситуацию. Также для некоторых это позор, они не могут работать, так как им не позволяет воровской закон, как например Купцову, которому не позволяет работать еще и родовая принадлежность, он годится своим происхождением: «А я – потомственный российский вор. Я воровал и буду...» [3, с. 55]. И он жертвует левой рукой ради своих правил. Как отец Сергей у Л. Н. Толстого отрезал палец, чтобы избавиться от искушения, так и Купцов отрубает руку, чтобы избавиться от искушения начать работу, когда его принуждает надзиратель. Но также он действует потому, что не может проиграть в этой борьбе с надзирателем,

они оба пошли на принцип, но Купцов ради своих принципов готов на большее, нежели Алиханов. Здесь мы также отмечаем тот же сюжет калечения себя для освобождения от труда, что и у других писателей.

В жанре анекдота у С. Довлатова написана одиннадцатая новелла про то, как блатаря-наркомана убило куском железа во время работы. Труд убивает человека, уходившего много лет от смерти в разборках, холодных реках, драках и т. д. «Бутырин часто видел смерть, избегал ее десятки раз. Это был потомственный скокарь, наркоман, волынщик и гомосек. Да еще – истерик, опрокидывавший залпом в кабинете следователя банку чернил» [3, с. 110]. Довлатов также вводит такую деталь, которая еще больше умаляет значение данной смерти. Его убивает не сам парогенератор (цельная конструкция), а кусок железа в полторы тонны (неопределенная часть). Эта смерть «наводила тоску» [3, с. 110]. Как итог замполит высылает двоюродной тетке письмо, поражающее лживостью и лицемерием, оно создает откровенно иронический тон, что полностью отменяет трагедию преждевременной смерти: «Ваш сын, Бутырин Григорий Тихонович, уверенно шел к исправлению. Он скончался на трудовом посту...» [3, с. 111].

В пространстве «Зоны» не с кем сравнивать мир блатных, нет никого, кроме них, так как в принципе описывается мир блатных, то и точка для восприятия образа труда становится совершенно другой. В данном мире сложились уже собственные традиции, заключенным надо вести себя определенным образом, таковы правила. Если у В. Шаламова было, над кем брать руководство, строить систему между блатными, политическими, мужиками, то у С. Довлатова противостояние только между охраной и эсками. У В. Шаламова сложнее система социальных взаимодействий – там и охрана, и блатные как еще одна форма наказания. Да и эски оказываются не все такие уж бездушные звери, как у Шаламова – в те годы настолько условия были ужасны, что восприятие автора стало черно-белым. У С. Довлатова все мягче, отказ Купцова от работы – не подвиг, он просто не может по-другому жить.

Обобщая образ труда в повести С. Довлатова «Зона», мы можем отметить следующее. Как для страны в это время лагеря уже не были актуальны как экономический ресурс (просто тюрьма с принудительными работами, которые никто и не старается выполнить), так и сами люди не для заключенных лагеря не являлся жестким способом контроля их поведения, что доказывалось самоуправством уголовников. В постмодернистской повести Довлатова многие вещи абсурдны, также и труд становится никому не нужным методом приобщения тунеядцев к коммунистической системе ценностей, который все-таки охранники обязаны применять в своей практике.

Обратимся к анализу образа труда в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». В десятой главе первой части показан эпизод труда на кирпичном заводе. Главный герой романа – Мишаня, убежавший из дома и скитавшийся по стране, попадает в Ашхабад. В данном городе есть только один способ пережить зиму для приезжих гостей – работа на кирпичном заводе. Но и для города эти гости – хороший вариант экономического роста завода, так как «Среди горожан охотников загнаться в этом местном чистилище, видно, было немно-

го» [5, с. 556]. Фактически этот завод ничем не отличается от лагерей (только люди еще без официального срока): сарай и два навеса, спать можно только у печек – там же, где и работаешь, у работников не требуют никаких документов, оплата – еда, которая в один момент собирает всех обитателей завода из всех траншей этого «чистилища». Тяжелые и неблагодарные условия не привлекают Мишаню, и вполне закономерно, что он соглашается пойти на дело с ворами – идет грабить вагон, после чего и получает свой срок заключения. Преступная жизнь кажется легче и привлекательнее, чем такой труд: «передо мной словно приоткрылась дверь, за которой мне почудился манящий простор дорог, перемен, событий» [5, с. 560]. Правда, для него переменной стало заключение в лагере.

У В. Максимова есть один эпизод про труд именно в лагере, но и тот сводится к убийству. В рабочем пространстве эзк убивает человека циркулярной пилой. Фактически ситуация труда предоставила удобную возможность неуравновешенному убийце воплотить свои наклонности в жизнь и убить человека за игру: данное действие было выполнено им в уплату карточного проигрыша, и выполнено было с азартом.

Можно говорить о том, что герою воровство и возможность заключения в лагере кажутся легче, нежели невероятно тяжелый труд на кирпичном заводе. И сам этот труд не выглядит таким, который мог бы поднять энтузиазм работника для продвижения коммунизма: нет благоприятных условий, способствующих желанию человека трудиться. Следовательно, причина преступности была не только в людях, но и в условиях, предоставляемых государством.

Для формирования окончательных выводов обратимся к философии труда. «В труде объединяются

психика и физиология человека, его интеллект и воля, лишённые для нас всякого единства, пока мы рассматриваем их в простом сосуществовании» [4, с. 467]; по теории трудовой ценности, если «труд действительно является единственным носителем ценности, то тогда ценность в силу этого факта выражала бы самую суть нашей практической природы, идеальность ее существа нашла бы самое точное выражение, какое только оно может найти во внешней реальности» [4, с. 467]. Согласно философии труда, именно труд, соединяя в себе физическое и духовное, являет миру реальную ценность человеческого существования.

Лагерь перевернул философию труда: лагерный труд для героев лагерной прозы и для реальных людей стал не только физическим их уничтожением, но и психологической пыткой, стал ассоциироваться со смертью; ценность реально созданных экономических объектов исчислялась миллионами трупов; интеллект людей забывался по мере физического истощения организма, также и воля человека ослабевала в условиях ада. Поэтому В. Шаламов так негативно характеризует труд в своих произведениях, также и эпизод о заводе в «Кочевании до смерти» В. Максимова являет такое же отношение. У С. Довлатова все уже по-другому: труд является способом заполнить время как заключенных, так и охранников. Но и у него мы наблюдаем тот же абсурд: советская этика и идеология коммунизма на деле превращаются либо в жестокость и истребление не нужных государству людей (В. Шаламов, В. Максимов), либо в пустую формальность обитателей лагеря (С. Довлатов).

Литература

1. Беляев, А. Н. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях / А. Н. Беляев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 186 с.
2. Большая энциклопедия русского народа. – Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?id=4579&rzd=1>
3. Довлатов, С. Зона: (Записки надзирателя) / С. Довлатов // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4-х т.; сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – Т. 2.
4. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. – Т. 2: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
5. Максимов, В. Е. Кочевание до смерти / В. Е. Максимов // Максимов В. Е. Избранное. – М.: Терра, 1994. – 736 с.
6. Малова, Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Ю. В. Малова. – Саранск, 2003. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/-stanovlenie-i-razvitie-lagernoj-prozy-v-russkoj-literature-xix-xx-vv.html>
7. Немного сухой статистики о ГУЛАГе. – Режим доступа: http://northural.ru/article/istoriya_gulaga/
8. Режим доступа: <http://ariosto.ru/o-trude>
9. Режим доступа: <http://ariosto.ru/o-trude/page/2>
10. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
11. Трудовое воспитание / Словарь по этике; под ред. И. Кона. – 1981. – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/522/word/trudovoe-vospitanie>
12. Шаламов, В. Т. Воскрешение лиственницы / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса; сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.
13. Шаламов, В. Т. [О Колыме] // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4: Автобиографическая проза / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 640 с.
14. Шаламов, В. Т. Записные книжки 1954 – 1979 гг. / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979 гг. / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 384 с.

Информация об авторе:

Старикова Людмила Семеновна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8-951-186-54-35, lyudvig.star@yandex.ru.

Lyudmila S. Starikova – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2013 г.